

Спустя неделю, когда по усыпанной щебенкой дороге к домику подъехала мама, я сидел на лестнице и, поставив в ногах собранный рюкзак, ждал ее, так и не написав ни единого слова.

— Ну как, хорошо провел время? — спросила мама.

— Конечно, — ответил я, — правда, сделал не особо много, ну да ладно.

— Ясно. — Она посмотрела на меня: — Но тебе, наверное, и отдохнуть бы не помешало.

— Это точно.

Я пристегнулся, и мы двинулись обратно в Фёрде, где заехали поужинать в отель «Сюннфьорд». Мы подошли к столику возле окна, мама повесила сумку на спинку стула, а затем мы направились к стоявшему посреди зала буфету. Народа здесь почти не было. Когда мы, наполнив тарелки, уселись, к нам подошел официант, я заказал колу, мама — минералку, и, когда официант ушел, мама принялась рассказывать о своих планах организовать курсы по психиатрии для медсестер — похоже, этой мечте суждено было сбыться. Мама сама подыскала помещение, великолепное, если верить ее словам, — бывшая школа, и не так далеко от медучилища. У этого здания есть душа, так сказала мама, оно старое, деревянное, кабинеты просторные, потолки высокие, не то что низенький бункер, в котором она преподает сейчас.

— Там, похоже, неплохо. — Я взглянул на парковку, на блестящие на солнце машины. На другом берегу реки зеленел холм, а разноцветье рассыпанных на нем домиков словно вибрировало всеми своими оттенками.

Вернулся официант. Я одним глотком осушил стакан колы. Мама заговорила о моем отношении к Гуннару. Что я словно пропускаю его через себя, превращаю в собственное суперэго, в того, кто разрешает мне поступать так или иначе, решая, что правильно и что нет.

Я отложил нож с вилкой и посмотрел на маму.

— Ты читала мой дневник? — спросил я.

— Не дневник, — ответила она, — но ты оставил путевые заметки. И обычно ты от меня ничего не скрываешь.

— Но, мама, это же дневник, — сказал я, — чужие дневники читать нельзя.

— Разумеется, — согласилась она, — я прекрасно это понимаю. Но ты оставил его на столе в гостиной, и я подумала, что ты нарочно не стал его прятать.

— Но ты же видела, что это дневник?

— Нет, — возразила она, — это путевые заметки.

— Ладно-ладно, — согласился я, — я сам виноват. Зря я его оставил. Но ты говоришь, я пропускаю Гуннара через себя? В каком смысле?

— Судя по тому сну, который ты описываешь, и по тому, как ты потом о нем размышляешь.

— Правда?

— Когда ты был маленьким, отец обращался с тобой чересчур строго. А когда он нас оставил, у тебя, возможно, появилось ощущение, будто тебе можно делать все, что захочется. У тебя два комплекта норм, однако оба — внешние. Но важно установить собственные границы. Идущие изнутри тебя самого. У твоего отца их не было, может, поэтому он так бестолково и жил.

— Живет, — поправил ее я, — насколько мне известно, он еще жив. По крайней мере, неделю назад я разговаривал с ним по телефону.

— Но сейчас такое впечатление, будто ты заменил отца Гуннаром. — Она взглянула на меня: — Гуннар тут ни при чем, твои собственные границы — дело в них. Но ты уже взрослый, сам разбирайся.

— Я поэтому и пишу дневник, — сказал я, — но его читают все подряд, поэтому разобраться самостоятельно просто невозможно.

— Прости, — сказала мама, — но я правда не думала, что это для тебя что-то вроде дневника. Иначе я бы ни за что не полезла его читать.

— Говорю же — ничего страшного, — сказал я. — Ну что, десерт возьмем?

Вернувшись к ней в квартиру, мы проболтали до позднего вечера, а затем я вышел в коридор, прикрыл за собой дверь, принес из тесной ванной стоявший там у стены надувной матрас и, положив его на пол, застелил простынкой, разделся, погасил свет и улегся спать. Из комнаты доносились приглушенные звуки, изредка за окном проезжала машина.

Запах резины от матраса воскрешал детские воспоминания: походы с палатками, открытые просторы. Сейчас время было другое, но предвкушение осталось прежним. На следующий день мне предстояло поехать в Берген, большой студенческий город, где я поселюсь в отдельной квартире и начну учиться в Академии писательского мастерства. Вечера и ночи я стану просиживать в кафе «Опера» или ходить в «Хюлен» на концерты всяких крутых групп. Потрясающе. Но еще прекраснее — что в этот же город переезжает Ингвиль. Мы договорились встретиться, она прислала номер, куда мне позвонить по приезде.

Это все слишком хорошо, чтобы быть правдой, думал я, лежа на матрасе, полный тревог и радости от того, что вот-вот начнется. Я ворочался с боку на бок, а мама в гостинной разговаривала во сне. Да, сказала она. Последовало долгое молчание. Да, повторила она, так и есть. Опять надолго умолкла. Да, да. Угу. Да.

На следующий день мама повела меня в торговый центр — решила купить мне куртку и брюки. Куртку я выбрал джинсовую, с меховой оторочкой, с виду неплохую, а брюки зеленые, камуфляжного рисунка, а еще черные ботинки. Затем она посадила меня на автобус, дала денег на билет и, стоя возле машины, махала вслед, когда автобус свернул с автовокзала на дорогу.

Несколько часов по сторонам мелькали леса, озера, головокруглительно высокие горы и узкие фьорды, фермы и поля, паром и длинная долина, из которой автобус стремительно поднялся на гору, а в следующую минуту уже оказался на берегу, у кромки воды, и тут бесконечные туннели закончились, за окном становилось все больше домов и дорожных указателей, появились поселки, промышленные здания, заборы,

автозаправки, торговые центры и городская застройка по обе стороны дороги. Я заметил вывеску Высшей школы экономики и подумал: там сорок лет назад учился Мюкле; я посмотрел на психиатрическую лечебницу Саннвикен, подобно крепости венчающую собой гору, и перевел взгляд в другую сторону, где в вечернем солнце блестела вода, на размытые дымкой паруса и лодки, на задний план из островов и гор и низкого бергенского неба.

Я прыгнул со ступенек автобуса в самом конце набережной Брюгген: у Ингве была вечерняя смена в «Орионе», и я хотел взять у него ключи от квартиры. Город окутывала послеполуденная дрема, какая бывает только в конце лета. За редкими прохожими в шортах и футболках вытягивались длинные тени. Блестящие на солнце стены домов, неподвижные деревья, уходящая в море яхта с голыми мачтами.

В лобби отеля толкались туристы. Ингве был занят — взглянув на меня, он сказал, что к ним заезжает целый автобус американцев, видишь, вот, держи ключ, позже увидимся, ладно?

Я доехал на автобусе до Данмаркспласс, дошел триста метров до квартиры Ингве, отпер дверь, оставил рюкзак в прихожей и замер, раздумывая, чем бы мне заняться. Окна выходили на север, солнце катилось к западу, готовилось нырнуть в море, поэтому в комнатах было сумрачно и прохладно. Здесь пахло Ингве. Я прошел в гостиную, осмотрелся, а после заглянул в спальню. Там появился новый постер: похожее на призрак фото обнаженной женщины, а внизу подпись — «Мунк и фотография». Еще там висели снимки, которые он сделал сам, серия фотографий из Тибета: ярко-красная земля, ватага оборванных мальчишек и девчонок позируют фотографу, глаза у них темные и чужие. В углу, возле раздвижной двери, виднелась прислоненная к усилителю гитара. На усилителе стоял еще один, огромный. Белый икеевский плед и две подушки превращали кровать в диван.

В старшей школе я часто приезжал к Ингве, и его комнаты казались мне почти священными: они олицетворяли то, чем хотелось стать и ему, и мне. Они символизировали для меня

мир, который находится за пределами моего существования, но частью которого когда-нибудь стану и я.

И вот я здесь, подумал я, зашел в кухню, сделал несколько бутербродов и сжевал их, стоя возле окна и глядя на ряды домов, бывшие рабочие кварталы, спускавшиеся ярусами к улице Фьосангервейен. С другой стороны, на горе Ульрикен, поблескивала вышка.

Я вдруг осознал, что последние дни провел почти в одиночестве. С момента встречи с Ларсом в Афинах я общался разве что с мамой и Хильдой. Поэтому возвращения Ингве ждал и не мог дожждаться.

Я поставил пластинку *Stranglers*, взял один из фотоальбомов и уселся на диван. У меня сводило желудок, непонятно отчего, я и сам не знал. Ощущение напоминало голод, вот только есть не хотелось.

Может, Ингвиль тоже уже приехала? Что, если она сейчас в одной из сотен тысяч квартир, которые окружают меня?

Первое, о чем спросил, вернувшись домой, Ингве, это как у меня дела с Ингвиль. Знал он не особо много, я обронил несколько слов, когда мы летом сидели на крыльце, но их оказалось достаточно, чтобы он понял, насколько все серьезно. Что, возможно, это начало чего-то большого.

Я ответил, что она вот-вот приедет, жить будет в Фантофте, я позвоню ей и мы договоримся о встрече.

— Может, в этом году тебе повезет, — сказал Ингве, — новая девушка, Академия писательского мастерства...

— Мы же пока не встречаемся.

— Это верно, но, по твоим словам, выходит, что она не против?

— Вроде бы. Но вряд ли ее тянет ко мне так же сильно, как меня к ней.

— А может, и потянет. Тебе главное правильно карты разыграть.

— Хоть раз в жизни?

— Этого я не говорил. — Он посмотрел на меня: — Налить тебе вина?

— Да, давай.

Он встал, скрылся на кухне, вернулся с графином и направился в ванную. За дверью запыхтело и зачавкало, потом послышалось журчанье, после чего появился Ингве с полным графином.

— Урожай тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, — объявил он, — но неплохое. И его очень много.

Я отхлебнул — оно оказалось такое кислое, что меня перевернуло.

Ингве улыбнулся.

— Неплохое? — переспросил я.

— Вкус — вещь относительная, — сказал Ингве, — сравнивать надо с другим домашним вином.

Некоторое время мы молча пили. Ингве поднялся и подошел к гитаре и усилителю.

— Я тут успел пару песен написать, — сказал Ингве, — слушаешь?

— Естественно.

— Хотя... Что считать песней. У меня скорее просто риффы. Я смотрел на него, и на меня внезапно накатила нежность.

Он включил усилитель, повернулся ко мне спиной, настроил гитару, подкрутил экорегулятор и заиграл.

Нежность отступила: играл он хорошо, гитара звучала мощно и величественно, риффы получились мелодичные и зажигательные, как у *The Smiths* и *The Chameleons*. Я, не обладавший ни таким слухом, ни техникой, не понимал, как это ему удастся. Едва начав что-то, он уже все умел, словно оно было в нем заложено изначально.

Лишь закончив и отставив в сторону гитару, он повернулся ко мне.

— Отлично, — похвалил я.

— Ты правда так считаешь?

Ингве опять уселся на диван.

— Это вообще-то ерунда. Мне бы еще тексты к ним — вот тогда будет готово.

— Не понимаю, чего бы тебе в какой-нибудь группе не играть?

— Ну да, — согласился он, — мы, бывает, с Полом вместе выступаем. А больше у меня из знакомых никто не играет. Но зато ты вот приехал.

— Да я же играть не умею.

— Зато ты тексты можешь писать. И, кстати, на ударных-то барабанишь?

— Ну нет. Барабаню я ужасно. Впрочем, тексты, наверное, написать смогу. Было бы интересно.

— Вот и напиши, — сказал он.

Скоро осень, подумал я, пока мы дожидались такси, стоя перед низенькими таунхаусами. В этой светлой летней ночи тайлось нечто глубокое, непонятное, но легко узнаваемое. Предощущение чего-то влажного, и темного, и щемящего.

Через несколько минут мы сели в такси и оно помчалось к Данмаркспласс, мимо большого кинотеатра, по мосту, вдоль Нюгордспарка и дальше в центр, где я перестал ориентироваться, где улицы стали просто улицами, а дома — просто домами, я исчез в большом городе, утонул в нем, и это мне нравилось, потому что так я делался более явственным в собственных глазах: вот он я, парень, который едет по городу из стекла, бетона и асфальта, а свет фонарей, вывесок и окон выхватывает из темноты незнакомых людей. По спине у меня бежали мурашки. Двигатель гудел, светофоры подмигивали красным и зеленым; наконец мы остановились перед зданием, похожим на автовокзал.

— Мы не здесь в прошлый раз вышли? — спросил я, кивнув на здание по другую сторону улицы.

— Ага, так и есть, — ответил Ингве.

Тогда мне было шестнадцать, я приехал сюда, к Ингве, впервые, и, чтобы меня пустили внутрь, вцепился в одну из девушек, с которыми мы пришли. Я воспользовался дезодорантом

Ингве, а перед тем как выйти из дома, Ингве закатал мне рукава рубашки, выдал гель для волос, дождался, когда я вотру его в волосы, и сказал — хорошо, пошли.

А сейчас, в девятнадцать, ничего чужого на мне не было.

Где-то поодаль блеснула вода, мы свернули налево от большого бетонного здания.

— Это Григхаллен¹, — сказал Ингве.

— Вот, значит, где он, — отозвался я.

— А вот тут «Мекка», — добавил он и кивнул в сторону продуктового магазина, — самый дешевый магазин в городе.

— Ты здесь продукты покупаешь? — спросил я.

— Когда денег мало, то да, — ответил он. — А вот это Нюгордсгат. Помнишь, у *The Aller Værste!*² песня есть? «Мы прошли по Нюгордсгата — прямо дикие ковбой».

— Ага, — я кивнул. — А «Дискен» — это тогда где? Там же дальше: «Завалились прямо в «Дискен», где народу до хрена».

— Это была такая дискотека в отеле «Норвегия». Вон там, сзади. Но сейчас она как-то иначе называется.

Такси подъехало к тротуару и остановилось.

— Приехали, — сказал водитель.

Ингве протянул ему сотенную бумажку, я вышел из машины и посмотрел на вывеску на здании рядом. На белом фоне черными и розовыми буквами было выведено: «Кафе «Опера»». У больших окон сидели люди, похожие на тени между крошечными огоньками свечей. Ингве вышел из такси, попрощался с водителем и захлопнул дверцу.

— Ну, пошли, — скомандовал он.

На пороге он остановился и окинул взглядом помещение. Посмотрел на меня.

— Знакомых никого. Пойдем наверх.

Я поднялся следом за ним по лестнице, мы прошли мимо столиков к бару — совершенно такому же, как на первом этаже. Я здесь уже бывал, но мимоходом и к тому же днем. А теперь

¹ Зал Грига — концертный зал в Бергене.

² «Хуже не бывает!» (*норв.*) — название норвежской группы (1979–1981).

все выглядело иначе. Повсюду пили пиво. Помещение показалось мне похожим на квартиру, которую заставили столами и стульями, а посередине водрузили барную стойку.

— Да это же Ула! — воскликнул Ингве.

Я проследил за его взглядом. С Улой мы познакомились чуть раньше тем же летом, и теперь я увидел его за столиком в компании еще троих. Ула заулыбался и помахал. Мы подошли к ним.

— Тащи стул, Карл Уве, — велел Ингве, — сядем тут.

Стул стоял возле пианино у стены, я взял его и тут же ощутил себя голым: правильно ли я поступаю? Так можно — взять стул и пронести его через весь зал? Кто-то смотрел на меня, это были студенты, привычные ко всему, а я покраснел, но выхода не оставалось, и я отнес стул к столику, за которым уже сидел Ингве.

— Это мой младший братишка, Карл Уве, — представил меня Ингве, — он будет учиться в Академии писательского мастерства. — Он улыбнулся.

Я едва отважился посмотреть в глаза тем, с кем еще не познакомился. Это были две девушки и один парень.

— Ты, значит, знаменитый младший братишка, — проговорила одна из девушек, блондинка с маленькими глазами, которые почти исчезли, когда она улыбнулась. — Хьерсти, — представилась она.

— Карл Уве, — сказал я.

У второй девушки были темные, стриженные под пажа волосы, ярко-красная помада и черный костюм, она тоже представилась, а за ней и сидевший рядом парень, застенчивый и белокожий, с рыжеватой шевелюрой. Он широко улыбнулся. Их имена вылетели у меня из головы в следующую же секунду.

— Пиво будешь? — предложил Ингве. Он что, решил оставить меня с ними наедине?

— Буду, — согласился я.

Ингве встал. Я уставился на стол и вдруг вспомнил, что можно закурить, поэтому вытащил пачку табака и принялся скручивать самокрутку.

— Т-ты был в Р-роскилле? — спросил Ула.

Других заик я со времен начальной школы не встречал. А ведь по виду и не скажешь, что заика. Брюнет с правильными чертами лица Ула носил черные очки, как у Бадди Холли, и, хотя одевался он неброско, я, едва увидев его, подумал, что Ула играет в какой-нибудь группе. Вот и сейчас мне так показалось. На нем была белая рубашка, черные джинсы и черные остроносые ботинки.

— Да, — ответил я, — но я там мало кого послушал.

— Эт-то почему?

— Там было чем заняться, — сказал я.

— Д-да уж, могу п-представить. — Он улыбнулся.

Достаточно было провести всего несколько минут в его компании, как становилось ясно, что у него доброе сердце. Я порадовался, что они дружат с Ингве, и заикание, которое в прошлый раз меня смутило, — неужто Ингве дружит с заикой? — больше не тревожило, я же вижу, что у него еще по меньшей мере трое друзей. Никому из них и дела нет до его заикания, они не проявляют ни высокомерия, ни снисходительности, и чувств, охватывающих меня, когда Ула открывает рот, — вот, он заикается, главное, этого не замечать, как же неловко, ведь он видит, о чем я думаю? — у них, судя по всему, не возникает.

Ингве поставил передо мной пиво и уселся на место.

— И что ты сочиняешь? — Брюнетка посмотрела на меня. — Поэзию или прозу? — Глаза у нее тоже были темными, а держалась она с каким-то деланным высокомерием.

Я отхлебнул пива.

— Прямо сейчас я пишу роман, — проговорил я, — но поэзию мы тоже наверняка будем изучать. Стихов я пока не особо много написал, хотя, наверное, надо бы... хе-хе!

— У тебя же вроде собственная программа на радио была, да? — спросила Хьерсти.

— И еще колонка в газете, — добавил Ингве.

— Да, — ответил я, — но это еще когда было.

— А про что у тебя роман? — не отставала брюнетка.

Я пожал плечами:

— Да про всякое. По-моему, получается такой гибрид Гамсуна с Буковски. Ты Буковски читала?

Она кивнула и медленно повернула голову, разглядывая тех, кто только что поднялся в зал.

Рассмеялась.

— Ингве говорит, у вас Ховланн вести будет? Он потрясающий!

— Да, — сказал я.

Все на миг умолкли, их внимание переключилось с меня на что-то еще, я откинулся на спинку стула, а остальные продолжили болтать. Они учились на одном факультете, изучали медиаведение и обсуждали учебу. Некоторое время они сыпали именами преподавателей и ученых, названиями книг, альбомов и фильмов, и пока они разговаривали, Ингве достал мундштук, вставил в него сигарету и закурил, причем из-за мундштука все движения его выглядели нарочитыми. Я старательно отводил глаза и, следуя примеру остальных, делал вид, будто ничего не происходит.

— Еще пива? — предложил я, Ингве кивнул, и я пошел к бару.

Один из официантов стоял возле крана, а другой задвигал поднос с кружками в окошко — я догадался, что за ним находится маленький лифт.

Невероятно, крохотный лифт, который перевозит вещи с одного этажа на другой!

Бармен возле крана лениво обернулся, я поднял руку с двумя растопыренными пальцами, но он не заметил и снова отвернулся. В эту же секунду ко мне повернулся второй официант, я слегка наклонился вперед и дал ему понять, что хочу сделать заказ.

— Да? — спросил он. Через плечо у него было перекинуто белое полотенце, черный фартук поверх белой рубашки, длинные бакенбарды, а на шее виднелся фрагмент татуировки. В этом городе даже официанты крутые.

— Два пива, — заказал я.